

Елена
Хисматулина
Рецепт
винегрета

Елена Хисматулина

Рецепт винегрета

«Издательские решения»

Хисматулина Е.

Рецепт винегрета / Е. Хисматулина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934464-9

«Рецепт винегрета» — сборник рассказов, современная проза. Герои — наши соотечественники, живущие на соседней улице или в клубном доме, спешащие на остановку трамвая или выводящие из двора дорогой авто, покупающие продукты в круглосуточном магазине на углу или придирчиво изучающие ресторанное меню. Они разные и вместе с тем схожие — замещающие теперь дружеские посиделки телефонными звонками, а поздравления — эсэмэсками. Настоящий сборник — предложение сбавить ход, заглянуть в глаза, прислушаться...

ISBN 978-5-44-934464-9

© Хисматулина Е.
© Издательские решения

Содержание

Собачья радость	6
Напиши мне письмо	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рецепт винегрета

Елена Хисматулина

Все персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

Корректор Мария Крашенинникова-Хайт

Иллюстратор Ирина Паршакова

© Елена Хисматулина, 2018

© Ирина Паршакова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-4464-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Рецепт винегрета»... Если вы искали книгу рецептов, то с первой строчки должна огорчить вас. К кулинарии современная проза определенно не имеет отношения. Но если в негодовании вы не закрыли книгу и ваш взгляд все-таки скользнул по странице вниз, попробую объяснить, откуда возникла ассоциация с винегретом.

Опущу определение винегрета как холодного кушанья из мелко нарезанных овощей с уксусом, маслом и другими приправами и обращусь сразу к переносному значению. Винегретом называют еще и смешение предметов, мешанину, всякую всячину. Именно это толкование наилучшим образом отражает суть представленной книги.

Перед вами сборник – сборник рассказов о самом разном, о всякой всячине, о грустном и веселом, с уксусом и без. Все как в жизни.

Существует ли конечный перечень ингредиентов, из которых составляются сборники? Существует ли определенный рецепт? Вряд ли. На глазок, по тому, как мама учила, из того, что есть под рукой, – так и приготовлен мой винегрет. И рецепт у него свой, особенный. Придется ли по вкусу, не мне судить.

Собачья радость

– Повезло тебе, парень, – сказала мама, глядя в эти блестящие темно-карие страстно влюбленные и одновременно безумно страдальческие глаза.

«Парень» намеренно не отводил взгляд. Весь подался вперед, вытянулся от носков лохматых крепких лап до кончика круглого блестящего, как пуговица, носа. Мышцы играли и вздрагивали под шелковистой шерстью. Нетерпение, казалось, волнами прокатывалось по всему телу к взволнованной морде и с носа стекало прямо на низкий журнальный столик. Он так просил, так умолял, так обаятельно требовал, что пытаться перевести тему, отвернуться или просто оторваться от его глаз было невозможно. Любой в его присутствии чувствовал свою вину: страдал от позывов жалости, изо всех сил сдерживался, наперед предупрежденный хозяином не перекармливать пса, мучился вздохами невесть откуда проснувшейся совести и сам же ел себя поедом.

Не меняя позы, пес старался усилить нажим, добавить страсти и выпросить, наконец, долгожданное лакомство. Бешено завертелся короткий хвост, разбалансировано с телом сама по себе танцующе завилыла узкая попа, затопали, переминаясь под столом, задние лапы, а передние вдруг взлетели в воздух и по-хозяйски уперлись в столешницу. Когда в движение пришло все, включая смешные несолидные короткие усишки и мокрый черничный нос, мама не выдержала и протянула печенье. На долю секунды открылась зубастая пасть и хапнула печенье целиком, не жуя. Оно без препятствий хряпнулось на дно желудка, только слегка обрисовав свое движение порывистым глотком. А глаза уже снова молили о наслаждении.

– Ты просто сволочь! Ты хоть понимаешь, что такое диабет? – хозяин собаки наизусть знал все его хитрованские уловки и поэтому был особенно, просто-таки непримиримо строг.

Пес не понимал, но старался не думать об этом. К чему такие сложности? Да и, судя по газетным публикациям, самыми умными животными признаны вовсе не собаки, а крысы, свиньи, дельфины, еще там кто-то. Вот пусть и думают, и хозяева их пусть думают, а ему хочется печенья, этого обворожительно пахнущего, рассыпчатого, с капелькой сладкого клубничного джема. И что они жмутся, эти производители?! Джем только дразнит язык – не успеваешь понять, какой он замечательно-прекрасный! А хозяева лучше бы сами, наконец, задумались, почему их дурят и в печенье джема явно не докладывают.

– Ну, дайте бедному животному печенье, ну дайте, дай-те-е-е! – Он уже невысоко подпрыгивал, хвост устал мотаться, слюна наполнила пасть. – Да где же сострадание к бедной собаке? Дайте печенье, или я за себя не ручаюсь. Я буду требовать! Буду, что бы вы ни говорили. Нельзя взять в дом животное и совершенно не заботиться о его комфорте. Гав, гав-гав!

– Ты что разошелся-то? Иди на место. Место, Бенчик, место.

Бенчик кинулся было на место, развернулся на полпути:

– Что это я, совсем спятил? Ну рефлекс, ну наука. Но это же не значит, что я и в самом деле в это верю? Иногда подчиняюсь, слов нет, но только иногда, когда самому, к примеру, спать хочется, а хозяин строго так приказывает: «Место». Тогда иду, ложусь, и это не напрягает. Хозяин доволен – дрессура, и я вроде проявил послушание. А то, что самого сон с лап валит и зевота пасть до затылка растягивает, – это хозяину знать вовсе не обязательно... А сейчас-то что? Я ведь не место, а печенье хочу. Хочу печенье, хочу печенье!!! Гав, гав-гав-гав...

– Ты – наглое, невоспитанное и еще патологически необучаемое животное. Иди к свиньям, – хозяин, как всегда, несколько странно на последний слог ставил ударение на этом «к свиньям».

Бенчик привык, и произнесенное хозяином «к свиньям» звучало как-то совершенно необходимо. К свиньям, к коням, к чертям – очень схоже. Но сегодня Бенчик решил дерзить:

– Почему к свиньям? Где они у вас, эти свиньи? Сами-то думаете, что говорите? То есть печенья не дадите?

– Не дам. Не дам, и все.

– Все и не надо. Дай три, нет, пять, ну, пять и еще одну. Короче, семь, и я к свиньям.

– Отстань, прожорливая собака.

– Дай, и отстану.

– Не дам.

– Не отстану.

Последнее печенье было вынуто из вазы. Сама ваза предъявлена на обозрение псу – все, пусто, нет больше ни крошки.

– И что было издеваться? Сказали бы, что вам больше нечем порадовать друга, и я бы на место.

– К свиньям.

– Нет, к свиньям – это когда семь печенюшек. Или как их – печенин? Запутали совсем. Но у вас их все равно нет. Тогда я на диван.

– Слезь немедленно! Ты что себе позволяешь, скотина лохматая! Всю квартиру своей шерстью угваздал. Что тебе не спится на подстилке?

– Там жестко. И псиной пахнет. И вообще, это меня оскорбляет. Я себя чувствую там собакой. Ну, хорошо, хорошо, не надо мухобойку. Я сам, сам. Сам, говорю! Видите, я уже на полу, я почти на подстилке. Все, сплю! – И Бенчик рухнул на матрасик, шумно коротко выдохнул и уснул мгновенно...

***

Бенчик еще не знал, что сегодня его ждут большие перемены. Любимый хозяин, Павлик Давидович, как на еврейский манер называли его еврейские друзья, собирался с семьей в Турцию. Багаж не собирали, до последнего утаивая от Бенчика намерения. Если бы не случайно подвернувшийся вариант, не поехали бы вовсе – куда девать это рафинированное, абсолютно непригодное создание? Но Бенчику на этот раз не повезло. Не повезло, что в дело вступила я.

Моя семья неудачно сменила квартиру два дня назад. Неудачно для него, потому что мы въехали в старый, послевоенной постройки, трехэтажный дом, на первый этаж. Дом был несовременный, но уютный, из тех, куда приводят друзей, и те всю ночь базлают песни под гитару, куда без зазрения совести приглашают переночевать, и всем находится место, где не переживают за паркет, за люстры, где не блестят от надраенности старые немодные унитазы. Бывшие владельцы квартиры, видимо, чувствовали немудреный характер дома, поэтому особо не церемонились с дизайном: темно-коричневые разлинованные «под кирпич» стены в коридоре, коричневый «немаркий» потолок, коричневые деревянные выдавшие виды полы и темно-зеленые с растительной тематикой обои на стенах. «Дизайн», в общем, не жалко было отдать на растерзание молодому активному псу – все равно ремонтировать. И вот в только что приобретенные «хоромы» Бенчик был приглашен для проживания на целых три недели. А пока что моя мама сидела в гостях у Павлика Давидовича, скармливала Бенчику печенье, задабривая его и притупляя сознание перед переездом...

Чай был допит. Настала пора будить пса, сдавать его «в хорошие руки» и начинать собирать чемоданы. С рассвета – в Анталию.

Бенчик дрых. Павлик Давидович погладил его крепкую спину, легонько похлопал по крупу. Ни фига – спит.

– Беня, вставай.

– Я сплю.

– Беня, гулять.

– Не-е-е-а. Позже.

– Беня!

– Боже ты мой, да успокойтесь вы когда или нет?! Скандальные какие-то. Чуть что – Беня! Еще и противным таким голосом – Бе-е-е-ня-а-а. А я не хочу гулять. И писать не хочу. Потом, вечером. Чего вам нейдется? Пили бы свой чай. Печенья у вас нет? А я говорил, что вы нехозяйственные. Вечно у вас печенья нехватка. Ну, куда там вы собрались? Что с вами делать, все равно ж не отстанете. Пошли, только быстро. – Бенчик недовольно поднялся, зевнул широко, так, что его полусонные глаза заплющились и свалились назад за затылок, потом клацнул зубами, вернув морду на место, потянулся всем телом и заплясал у двери – рефлекс.

Наконец, вышли. Подошли к машине.

– Новости какие! А говорили, гулять. Мы на дачу? Мы точно на дачу?! – Бенчик вмиг проснулся, вскочил на заднее сиденье, уставился в окно. Гавкнул для остротки. Он мчался на любимую дачу, где запахи, мыши, вальяжный соседский кот, которого без зазрения совести можно гонять как сидорову козу. – Класс! Эй, мы куда? Мы не туда! Хозяин, ты забыл дорогу? Вечная с тобой морока, не умеешь метить территорию. Э-эй! Куда ты меня везешь? Мама, маманя, ма-а-а-ма, помогите!

– Перестань орать, трус поганый. Никто с тобой ничего не сделает. Сейчас сам все увидишь.

– Мне плохо. Что ты задумал? Вы специально накормили меня печеньем, специально усыпили мою бдительность. Я хочу какать, я очень хочу какать. Останови машину!

– Придется остановиться, иначе он изгадит весь салон. У него всегда так. Чуть новая обстановка, и все – медвежья болезнь.

– И как же мы его на три недели у Лены оставим? – мама начала волноваться. Она вообще всегда волнуется за меня, за то, что в семье большая часть бытовых забот перекладывается на мои плечи, за опрометчивые решения, принимаемые порой моим мужем, реализовывать которые приходится вовсе не ему.

***

Но на этот раз решение было в чистом виде моим. Шестилетняя дочь Надя очень захотела собаку. К этой авантуре стало склоняться подавляющее большинство членов нашей семьи. Чтобы отрезветь, не поддаваться на уговоры и не завести в доме пса (а опыт собственного содержания собаки у меня к тому времени был), я вызвалась «взять на поруки» Бенчика. Всего на три недели. Задумка была коварная – продемонстрировать в натуре особенности существования животного в доме. Надеюсь, что за первую же неделю всем надоест вставать затемно, при любой погоде мотаться с псом по окрестностям, варить на рассвете пшенку, геркулес, продел или что там еще, кормить, быть туго связанным с домом в шесть утра и в семь вечера.

А еще я рассчитывала на трезвый ум, скепсис, отсутствие дешевой компромиссности в нормальном, внятном и единственно разумном «человеке» в нашей семье – кошке Цапе. Остальных «клинило» на чуждые человеческому сознанию вещи, на какой-то «эксклюзив», на вызывающие поступки. Так в доме, например, появилась голова настоящей зубастой щуки. Рыбаков в доме не было никогда. На кой черт мы приобрели эту страшную рыбу морду с миллионом острых зубов в открытой пасти – непонятно. Но приобрели, повесили на стену в коридоре и всех друзей «потчевали» щукой, предлагая засунуть палец в пасть. Наивные люди соглашались, легко проталкивали палец подальше в рот щуке, не зная, что ее зубы растут вовнутрь. При обратном движении они скребли и в кровь раздирали руку. Сложно поверить, но с нашей стороны не намечалось никаких маниакальных планов. Нам искренне хотелось поделиться

«счастьем» познания особенностей щучьего устройства. А потом уж, конечно, вынимался йод и пластырь, обрабатывались раны, предлагался обильный стол. Мы настолько восхищались своим умением «удивить» гостя, что и гость поддавался общей радости странной семьи – ел, пил, с гордостью показывал остальным свою израненную руку. Только утром, проснувшись у себя дома, не мог понять, какая сила дикого убеждения заставила его всунуть руку в щучью пыльную зубастую морду.

А как мы стреляли из мелкашки в стопку журналов «Нева» прямо в квартире! Пробивали насквозь! О, какое это было замечательное действие! Ноги шире плеч, упор в плечо, мушку на мишень, баба-а-ах через весь коридор! И самое лучшее, если кто-то в это время пытается пробраться из кухни в комнату. Стрелки орут во всю глотку, улюлюкают: «Ату его! Кабан пошел!» И «кабан» хрюпается на пол, поджмается весь, втягивает голову в плечи – и стремглав с линии огня. Дичь. Абсолютная дичь! Но я отвлеклась на том месте, когда мама выразила сомнение в возможности беспроblemного содержания у нас Беньки в течение целых трех недель...

***

– Да ничего, мы сейчас его доставим, он освоится немного, и все. А перед тем как в квартиру завести, выгуляем рядом с домом, чтобы все дела до ночи сделал.

Мама доверилась опыту Павлика Давидовича, подождала, пока тот вывел Беньку на обочину посередине города. Бенчик обгадился, естественно, был наспех обтерт лопухом и снова второпях всунут в салон – приходилось срочно замечать следы, потому как гадить на улице великого математика, потрясающей умнейшей женщины Софьи Ковалевской, оскорбляя тем самым не только чистоту и порядок названной ее именем улицы, но, что более преступно, саму ее память, не дозволительно никому, даже обосравшемуся от ужаса псу.

Я ждала приезда мамы с сопровождающими ее лицами уже больше часа. Надя изводила меня беспрерывными вопросами о Бенчике.

– Да увидишь сейчас сама. Что ты меня мучаешь?

– Мама, а он лохматенький? Какого цвета? А породы?

– Кокер-спаниель, красивый, кудрявый, уши длинные, коричнево-бежевый в светлых пятнах. Хотя я и сама не знаю. Не видела.

– А он сильно породистый? Сильно? – казалось, Надя засомневалась, можем ли мы соответствовать.

– Породистый. Настолько, что лордами и графами были не только его бабушки, но и случайные дети неразумных побочных страстей его дедушек.

– Что?

– Так, ничего. Тебе это еще рано понимать...

***

Бенчик и правда был гораздо породистее всех наших самых именитых знакомых. Павлик Давидович, по сформированному на генном уровне древнему еврейскому принципу – никогда ничего заграничного не покупать на территории России (потому как все заграничное, включая живых породистых собак, производится евреями и армянами еврейского происхождения из местного подручного материала), вываживал щенка американского кокер-спаниеля, как невесту китайского императора. Он узнавал о пометах, ожидаемых к реализации в Москве и Питере, списывался с далекими родственниками в Америке и Канаде и, наконец, вышел на след молодого почти годовалого пса, привезенного непосредственно с американского кон-

тинента и предлагаемого к реализации по причине охладевшего к нему интереса предыдущих хозяев.

Надо пару слов сказать и о самом Павлике Давидовиче. Он был полноценным евреем, но не был им в том смысле, что поступками во многом отличался от собратьев и сородичей. Он был подвержен чувствам – человеческим чувствам русского человека, когда вдруг возникало непредсказуемое «хочется», необъяснимое «жалко», совсем уж непредвиденное «за любые деньги». При этом еврейская мама не преминула проконтролировать добавку в его ДНК всех обязательных ингредиентов еврейской закваски. У Павлика Давидовича начисто отсутствовала русская лень, ему не свойственно было сворачивать с избранного пути, по-русски петлять в извилистых завихрениях безответственно развивающейся судьбы. Он был всегда подтянут, собран, активен, коммуникабелен и обаятелен той настоящей еврейской обаятельностью, от которой невозможно оторваться, секрет которой не поддается разгадке, как и последующее ощущение лукавства – будто что-то пообещали, поманили, а не дали.

Стать обладателем породистой уникальной собаки сподвигла его супруга. Но то, что Павлик Давидович увлечется идеей настолько, что маханет за псом в Москву, никак не входило в планы ее прижимистого характера и прагматичных взглядов на отношение к животным в принципе...

В состоявшийся приезд в Москву хозяин назвал цену, предъявил копию именитой родословной и определил, наконец, основное условие – или завтра, или собаку усыпят. Если бы Павлик Давидович был только евреем, цена заставила бы не призадуматься – решительно отказаться. Продавец загнул ее вдвое и не скрывал довольства на широкой рязанской плебейской морде. Но он был богат и уверен в себе, а потому и правда мог усыпить пса просто из самодурства. И в глазах его Павлик Давидович профессиональным взглядом хирурга заметил не просто издевательство над одержимым врачешкой-евреем. В них виделся садизм.

– Надо посмотреть собаку. Если все нормально, возьму сегодня.

– Че смотреть? Собака как собака, здесь в бумажках все написано. По морде у нее больше не прочтешь, – и заржал громко, открыв рот с непрожеванной мерзкой смесью цветной капусты, грибов и свинины.

– Помойка, – покривился про себя Павлик Давидович, – и жрет, как боров.

Если бы не требование продавца встретиться на нейтральной территории, Павлик Давидович ни за что не согласился бы сесть с ним в ресторане за один стол.

– Ладно, поехали, поглядим.

– Я приеду сам, к шести.

– Боишься, что ль? Что ограблю? Заманю и ограблю?

– Не боюсь, но приеду к шести. Дела.

– Гляди, я ждать не буду.

– И не надо. Говори адрес.

Ох, не нравилось все это Павлику Давидовичу. И продавец не нравился, и вся затея – стоит ли рисковать, ехать к черту на рога, собаку неизвестно какую брать? Как везти ее еще – непонятно, куда девать до завтра – поезд только днем?

До шести вечера через знакомых, через пятые руки вышел на ветеринара. Мужик оказался нормальным, без лишних эмоций за четвертак согласился поехать с Павликом Давидовичем осмотреть пса на месте.

Когда позвонили в дверь, долго слушали топот в квартире, сопение, отдаленный гул голов. Казалось, будто звонка никто не слышал либо не намерен открывать вовсе. Павлик Давидович еще раз нажал на кнопку. Тяжелая металлическая дверь неспешно открылась, хозяин – он же владелец собаки – в порядочном подпитии и цветном разухабистом спортивном костюме с усилием раздвинул узкие глазки-щелочки на толстой красной роже:

– Пришел? А может я того, не намерен больше разговаривать? Не намерен, и все, самому собака нужна. Дом у меня, охрана там всякая. Нужна охрана... – Он путался в аргументах, пьяном бреду, но явно намеревался еще срубить денег за пса – сверх договоренного.

Павлик Давидович растерялся. И тут мужик-ветеринар спокойно и решительно попер на владельца пса, отодвинув его вместе с дверью:

– Где животное-то, давай посмотрим сначала. А Вы заходите, заходите, хозяин приглашает.

Павлик Давидович проник следом в квартиру. Одновременно из глубины большого безвкусно-помпезного коридора выплыла мадам совладелица.

– Вы за собакой? Берите, не слушайте его – так, куражится. Только деньги мне. Собака моя, так и деньги мои.

– Собаку покажите.

– Так вон она, за вами, на подстилке.

Павлик Давидович обернулся и одновременно встретился глазами с ветеринаром. Тот сидел на корточках подле пса, а по щекам его текли слезы.

В углу прихожей на грязной провонявшей псиной и мочой подстилке лежал пес с полностью облысевшими, избитыми в кровь боками, зацветшими, слипшимися и гноящимися глазами, дрожащий всем телом, нервно и порывисто дышащий. Из-под хвоста предательски потекла лужа.

– Вот видите, сволочь какая! Все в доме обоссал – приличных людей пригласить стыдно. Откуда только этого уроды притащил, придурок. Денег еще отвалил немерено! Хоть бей его, хоть убей – ничего не понимает. Забирайте, говорю, забирайте, не то сама в мусоропровод шас спущу!

Павлик Давидович не смог даже додумать, что будет, если он тотчас не заберет пса с собой. Пока доставал деньги, ветеринар скинул с себя куртку, укутал пса, поднял на руки и вышел за дверь.

– Родословную-то возьмите, – хозяйка полагала о себе как о честной женщине и расчет производила без обмана. Деньги пересчитала, взамен протянула документы.

Ее звероподобный супруг пьяно храпел в большом кресле огромной прихожей, где несчастному умирающему псу не нашлось лишнего дециметра площади, кроме куска старого солдатского одеяла.

Павлик Давидович, не помня себя, слетел вниз, хотел было объяснить мужику с собакой на руках, что он на проспект, за машиной. Тот махнул головой – понял, не вопрос. Павел Давидович начал стаскивать с себя пальто.

– Не дури. Что еще одну куртку марасть? Давай, ищи машину. Чего уж там. Едем-то куда?

Павел Давидович растерялся – куда? В гостиницу с собакой нельзя, ночевать на улице – октябрь, к утру сам дуба дашь.

– Ясно все. Гони машину, там разберемся.

Только четвертый по счету частник согласился везти двух здоровых мужиков с больной собакой. Один так прямо завизжал, что одурели все, за деньги хотят и машину с шофером, и уборщицу в одном флаконе. Тащите, мол, своего пса на помойку, самое ему место.

Но нашелся человек, который просто задрал цену, спокойно довез, куда сказано, вышел из машины, проверил заднее сиденье – чисто. Все нормально, ребята, без претензий – взял деньги и уехал.

Ветеринар привез к себе домой. Павлик Давидович, повидавший за своим хирургическим столом сотни проблем из проблем, боялся развернуть куртку. На боках пса виднелись следы многочисленных побоев, раны не заживали, гноились. Пес, сколько мог, сам старался

выгрызать коросты, но новая кровь запекалась поверх старой, и на страшное месиво было невозможно смотреть.

– Как тебя угораздило его за такие деньги найти?

– Не спрашивай, думал за породистой собакой еду. Что дома скажу? Помрет ведь, не довезу.

– Погоди причитать. Выкупил – уважаю. Никто другой не взял бы его с приплатой, не то что за такие деньжищи. Крови-то не боишься? У меня где-то нашатырь.

– Не надо – хирург.

– А! Тогда дело. Давай, чайник ставь, ковшик вон, на плите, – кипяти воду. Я соберу, что есть из препаратов. Попробуем вытянуть пса. Зовут-то его как?

– Бог его знает. – Павлик Давидович вытащил из кармана собачий документ. – Бенджамин Фридрих...

– Е-мое, граф, да и только! Короче, Бенька будешь. Ну, дружок, давай за жизнь начинать цепляться. Выбора у нас с тобой все равно никакого нет.

Так Бенджамин Фридрих стал просто Бенькой или Бенчиком.

Полночи мужики обихаживали пса. Ветеринар прослушал ему сердце.

– Знаешь, а сердце нормальное. Может, и выдержит.

– Дай послушать.

– Слушай.

Павлик Давидович взялся за фонендоскоп, но опустил вдруг руку:

– Ладно, что тут слушать. Давай, лечи, как знаешь. Я помогу, где надо.

Вкололи обезболивающее. Когда кололи, Бенька тяпнул ветеринара от страха, но слабо – так обессилел. Потом лежал тихо на кухонном столе. Павлик Давидович гладил его по грязной морде и давил в горле ком – хирурги не плачут.

– Как звать-то тебя?

– Павел.

– А меня Евгений. Друзья – придурки, не Женькой, Генькой зовут. От слова гений.

Павлик Давидович смотрел и понимал, что он, правда, гений. Работал аккуратно, без единого лишнего движения. Надо же! Всегда считал ветеринаров недоучками в медицине, да и в какой медицине – так, ремесленники. А поди ж ты – виртуоз! Постепенно расчистили и обработали все, что можно было. В одном месте Гена взялся за иглу. Павел протянул руку:

– Дай, шить сам буду.

– Шей, хирург. Ты хирург-то по какому профилю?

– Гинеколог.

– А, ну самое оно. Сейчас, Бенька, смотри, чтоб хозяин лишнего чего не отхватил, а то у него профиль особый, твоя конструкция ему несподручна, – и они оба, оценив шутку, улыбнулись.

До утра выпили спирту. Понемногу, и не развезло ничуть. Бенька тяжело выходил из наркоза, пришлось его туго спеленать и устроить на ночлег к батарее. Утром Гена побрился, оставил ключ, сказал, что справки привезет к поезду – раньше не успеет. Павлик Давидович размышлял, как бы ему исхитриться съездить за вещами в гостиницу. С собакой не пустят, а оставить одну боялся.

Бенька забился под кровать, не выходил, не пил воду, трусливо поскуливал, когда Павлик Давидович пытался посмотреть на него, и, как вчера, писал под себя.

– Да, бедняга, влипли мы с тобой. Довезу ли? И дома что нам скажут? Ладно, лежи, жди, а там будь что будет.

Вещи в гостинице забрал, выписался, уже на выходе подошел к телефону-автомату – позвонить домой или не стоит? Решил – не стоит. Довезет – будет о чем говорить. Нет – и нет.

Гена приехал на вокзал раньше Павлика Давидовича. Поезд уже подогнали к перрону. Пока вещи и Беньку в большой картонной коробке носильщик на громыхающей телеге вез к вагону, Гена нашел нужные слова, рассказал, уболтал, разжалобил проводницу, а, главное, назначил ей свидание. Понравилась ли ему унылая длинноносая девица, Павлик Давидович так никогда и не узнал. С Генкой больше жизнь не столкнула, хотя и деньги ему послал, и звонил несколько раз. С телефоном мог что-то напутать, Генка мог съехать с квартиры, да бог знает что могло произойти. Но тогда исключительно благодаря ему Павлик Давидович устроил Бенчика в купе проводницы и сам большую часть дороги провёл там. Только поздно ночью перебрался в свое купе и забылся тревожным сном.

Дома Бенчика ждало длительное лечение. Новых хозяев он не признавал. Трясся как заяц, боялся переступить порог – видимо, били всегда за это. Ходил под себя, и ничего нельзя было с этим поделать. Павлик Давидович смазывал заживающие бока, колот целыми курсами препараты, кормил с руки, разговаривал с ним, не ожидая ни ответной реакции, ни хоть какой-то заинтересованности, и терпел все неудобства собаки с историей бомжовского содержания и безупречной графской родословной.

Однако усилия не проходят бесследно. Шерсть начала расти, затянулись раны, Бенчик принялся есть со свойственным спаниелям безудержным аппетитом, привык к домашним и к следующему лету, а своему полторагодовалому возрасту, предстал во всем экстерьерном блеске. Он действительно был красив. Настолько, что в происхождении не стоило сомневаться. Профессионалы сразу узрели в нем породу, подобных представителей которой в городе больше не наблюдалось.

Но Бенька навсегда остался псом с поломанной психикой. Он был весел и дурашлив с людьми, которых знал и которые проявляли к нему любовь и доброе ласковое отношение. Новых же людей боялся, как боялся и новых домов, квартир, любой новой обстановки. Павлик Давидович решил, что с Бенчика достаточно потрясений в жизни, и он так навсегда и остался не выставленным ни на одну собачью выставку, не получившим ни одной собачьей престижной награды. Остался формально не признанным, хотя единственный был достоин оценки своего исключительного экстерьера. Но так ли важно было «графу» признание? Он знал свое происхождение, и для самооценки этого ему было вполне достаточно. А хозяевам ни к чему сдались его медали – любили Беньку самозабвенно. Вот такая непростая собачья судьба...

***

Я знала его историю и то, что надо постараться сразу расположить к нам пса, ведь три недели придется жить под одним кровом. Если Бенька испугается, откажется есть, до приезда хозяев его будет не дотянуть.

Наконец, приехали. Заранее была открыта дверь. Павлик Давидович с мамой, не форсируя событий, прогуляли Бенчика перед окнами, показали окрестные кусты широко и свободно разросшейся сирени. Это был правильный ход. Бенька охотничьим носом учуял стойкий кошачий запах. А кошачья диаспора у нас во дворе была солидная, жили одной цыганской семьей – с драками, воровством, «поножовщиной», конечно в их специфическом кошачьем исполнении. Свою Цапу я пускала на волю, но к ночи всякий раз вызывала домой. Нечего ей якшаться с распушенными, неуправляемыми и наглыми дворовыми котами.

Бенька запах уловил, поставил холку дыбом, что говорило об интересе и его собачьей состоятельности. Ноги сразу приняли привычную стойку, грудь расправилась, Бенька почти готов был нырнуть в кусты за кошачьей душой, но Павлик Давидович решил, что пора заходить в дом. Бенчик согласился неохотно. Если к котам он давно привык и гонял их по окрестностям хозяйской дачи, то чужие дома и подъезды заставляли его собирать «волю в кулак» и каждый

раз преодолевать свое смятение. Он пошел в подъезд, смешно, не по-собачьи путаясь меж ног хозяина, надеясь спрятаться, прижаться и даже не думать о том, что может ждать впереди. Напоследок оглянулся – ну и ладно, кто их знает, этих чужих котов. Некоторые бывают хуже бультерьеров, поэтому пускай остаются в своих кустах. Павлик Давидович перед дверью взял Беньку за ошейник, легонько втолкнул через порог. Бенчик въехал на задних лапах, по-хозячьи втянув голову и прижав уши.

Мы с семьей не сплеховали. Бенчику была заготовлена наваристая ячневая каша с мясом. Когда его спаниельной личности предложили ознакомиться с меню, Бенчик потеплел душой, проследовал на кухню к вместительной, специально ему приготовленной миске и принялся с аппетитом уплетать кашу. Павлик Давидович махнул рукой – какой там диабет, он сдохнет от простого обжорства. Пес, видно, чувствовал переживания хозяина, но совладать с собой не мог. Только посмотрел на него секунду виновато-просяще – уж можно сегодня, правда? И снова сунул морду в миску. Сосредоточившись на каше, он даже не заметил огонь светящихся на холодильнике глаз. Цапа давно распознала врага, еще когда он шумно сопел в подъезде...

Пришло время расставаться. Павлик Давидович все не решался сказать Беньке, что уезжает. Но сказал, и Бенчик будто услышал и понял его. Я придержала поводок, Павлик Давидович чмокнул пса в нос и быстро вышел.

– Ну как вы, сами управитесь? – Мама напряженно топталась у порога, неизвестно кого больше жалея, Бенчика или меня.

– Справимся, – уверенно и действительно не сомневаясь и своих силах, отрапортовала я. Мама тоже потрепала Беньку по голове и вышла вслед за Павликом Давидовичем.

***

Второй день на новом месте. Я не о Беньке – о нас и нашем переезде. Тюки, баулы, коробки и коробочки – вся квартира напоминала склад. Готовясь к переезду, сначала я пыталась подписывать коробки. Но в нашей семье планировать переезды не приходилось. Их было много. Мы кочевали из одной квартиры в другую, с каждым разом прикупая и отвоевывая для жизни лишних полтора-два метра полезной площади. Впрочем, именно для того они и случались, наши переезды. Они случались не тогда, когда собраны и упакованы вещи. Они происходили, когда муж внезапно ухватывал машину для перевозки.

В этот раз меня «сняли» в разгар рабочего дня. Маму тоже. Мы примчались домой, когда машина уже стояла под балконом, а в квартире хрусталь мирно дремал в серванте, борщ кис на плите, забытый там с вечера. Было замочено белье напоследок, в холодильнике томились открытые банки с огурцами, помидорами, коварным черничным неотстирываемым вареньем. Дом жил своей обычной жизнью, исключая аккуратно обвязанные книжные стопки и немногочисленные картонные коробки, единственно готовые к переезду. Именно в этом покое и дреме мы с мамой застали квартиру, когда машина внизу пыхтела нетерпением, отсчитывая негусто оплаченные отведенные на работу часы. Ни мешков, ни веревок, ничего, во что можно было бы упаковать все выставленное в шкафах, на полках, на комодах и просто равномерно набросанное по всей площади многообразие как необходимого, так и совсем ненужного скарба. Мама вынула швейную машинку и взялась строчить огромные мешки из старых штор. Я тут же наполняла их вещами, и снова оказывалось, что тары нет. Муж метался меж двух расположенных неподалеку магазинов, моля отдать, подарить или хотя бы продать пустые коробки. Его друзья сновали между первым и пятым этажом, на котором мы тогда жили, переноса вещи и постепенно заполняя машину. Водитель, наблюдая это челночное движение, с любопытством поинтересовался, не из трехкомнатной квартиры ли мы съезжаем. Знал бы, что все наше разу-

комплектованное на тысячу мешков и мешочков богатство умещалось в однокомнатной и даже оставалось вполне достаточно места, чтобы принимать и развлекать гостей.

Вещи мы все-таки перевезли, но на месте нового жительства теперь царил полный хаос в том смысле, что никто не помнил ни одного ориентира, не находил ни одной жизненно важной вещи в скопище, нагромождении, кургане бессистемно наваленных баулов. Мы по наитию блуждали меж двух комнат, друг за другом приоткрывая коробки, развязывая узлы, забывая тут же о распакованных и так и не находя искомым предметов.

К моменту переселения в наш табор Бенчика принципиально не поменялось ничего. Стало только хуже, так как важное для себя каждый из нас постарался переместить в известное только ему заветное место, напрочь забыл и теперь мучился сознанием, что где-то видел, но где?..

За два дня проживания в новой квартире мы не успели узнать о ней главное. Самое страшное, что таил в себе старый дом, – идиотская система обеспечения его электроэнергией. Понять принцип, уловить симптомы возможных проблем, подстраховаться мы так никогда и не смогли за все время нашего счастливого жития в добром старом немного сумасшедшем доме. В день прибытия к нам Бенчика впервые случилось непредвиденное – свет потух сразу и одновременно во всей квартире.

Сначала мы надеялись, что проблема временная. Ждали реакции соседей – ведь они живут здесь не первый день. Пробовали произвести разведку, но, взглянув со стороны улицы, поняли, что обесточен весь дом. Никто не возмущался, никто не искал выходов из ситуации. В старом доме, будто в деревне, все, как куры, просто легли спать. Оставались в неизвестности и раздумье только мы.

Муж решительно начал ощупывать баулы. В полной темноте разгадать его намерение было непросто. Он шарил сосредоточенно, пыхтел, мягко матюгался: «ерш твою маман» и «е-пэ-рэ-сэ-тэ», что вполне можно было слышать даже детям до шестнадцати. Наш ребенок прижался ко мне, трюся немного в крошечной темноте. Глаза Цапы горели со шкафа.

В первые минуты поиска свечи, что стало ясно из раздраженного бормотания мужа, мы как-то выпустили из вида состояние Бенчика. Тот затих и, казалось, не дышал. Я понимала, что надежды отыскать свечу нет, предложила укладываться на ночлег, благо постель была расстелена, оставалось только скинуть покрывало. Муж бросил безрезультатные поиски, дождался, пока мы с Надюхой заползли на диван и уткнулись в подушки, и сам завалился с краю. Спать так спать...

***

Наверное, я даже успела заснуть, когда вдруг странное ощущение духоты, тяжести, миражи кошмаров навалились на меня скопом – и от удушья я вдруг проснулась. Муж уже сидел на кровати.

– У нас катастрофа.

– Пожар?! – Страшнее ничего не могло быть, тем более что мой мозг отсутствие света сразу связал с неисправностью проводки и выдал результат – короткое замыкание.

– Хуже. – Муж был не то что равнодушен, в его голосе слышалась безнадежность.

– Да что случилось, скажи толком! И чем здесь так воняет?!

– Бенчиком. Вставай, он обгадился.

– Что с ним? Где?

– Везде. Он обгадился везде. У нас нет света, поэтому где он обгадился мы распознаем только опытным путем.

Я поняла ужас произошедшего.

– Где мои тапки?

- Считай, что их нет. В таком виде они тебе уже не понадобятся.
- Но мы не сможем ждать утра на диване.
- Конечно, не сможем. Тем более что я на диван уже не попадаю – вляпался.
- Что делать?

Муж тяжело вздохнул:

– Не делать глупостей, не приглашать на каникулы псов, не кормить их моей наваристой кашей.

Он еще бурчал и бурчал, а я не возражала. Весомая доля правды слышалась в его словах и была мне укором. Наконец муж решительно поднялся, на ощупь добрался до стола, нашел коробок, чиркнул спичкой и на несколько секунд осветил неярким светом комнату. «Мина» была прямо перед диваном, вторая – на выходе, у двери. Где еще поджидала опасность, оставалось гадать. Мой пострадавший «сапер» зажег еще спичку и добрался до коридора. Спустя пару минут в комнате загорелась лампада – муж отрезал часть шнура от своих кроссовок, нашарил на столе чашку и бутылку подсолнечного масла, соединил эти, казалось бы, несоединимые вещи в осветительный прибор и зажег масляную лампу очередной спичкой.

Мне ничего не оставалось, как постараться загладить свою вину добровольным согласием на уборку. Муж перемещался за мной с «лампой», а я наскоро убирала следы собачьей жизнедеятельности. Бенчик протяжно завыл у двери.

– Боже мой! Ему сейчас снова станет плохо, – я пулей натянула джинсы, всунула ноги в кроссовки и, как была в пижамной курточке, выпихала пса на улицу. Произошло все как нельзя более вовремя. Бенчик стек с лестницы крыльца и тут же опорочился.

– Что же мне делать с тобой, собака? До утра дотянешь?

По морде Бенчика я поняла, что он не уверен, но крайне благодарен за возможность не испытывать более ненависти к самому себе за содеянное. Все-таки на улице оно как-то проще осознавать свои слабости, и даже в голову приходит мысль об объективных причинах произошедшего. В доме же десятками пудами давил стыд и страх, что побьют.

– Глупый, неужели ты думал, что я подниму на тебя руку? Ты совершенно не разбираешься в людях, мой дорогой. Пойдем обратно. Скоро рассвет. Не хватало еще, чтобы дворники застали меня в пижаме в компании с обосранным псом, – я обняла несчастное животное, поцеловала его в макушку, и мы неслышно поднялись в квартиру.

Муж спал тревожным сном, прижав к себе Надюху. Огонь «лампады» слабо подрагивал в темноте комнаты. На высоте шкафа искрила наэлектризованной шерстью и брезгливостью Цапа.

– Девочка моя, не сердись. Он еще молодой, и у него была очень непростая судьба. Это многое оправдывает. Так что искри не искри, придется привыкать на три недели быть гостеприимной хозяйкой.

Цапа не признавала этих глупостей. Пес в доме, по ее мнению, не мог быть оправдан ничем. Но мои слова придали ей некоторой уверенности. Все-таки этот ужас не навсегда. Три недели она обещала перетерпеть...

***

Мы прожили тогда все положенное время в любви и дружбе. Я научилась правильно дозировать Бенчику еду. Он постепенно привык к нам, и мы стали для него почти родными. Цапа поругивала Бенчика для порядка, шипела и выгибалась, когда хотела настоять на своем, но в целом относилась индифферентно. Надя каждое утро поднималась сонная и несчастная, но плелась вместе со мной и псом на прогулку, чтобы доказать готовность участвовать в воспитании собаки, если таковую мама разрешит взять в дом. Я просто любила Беньку, как люблю кошек, собак, хомяков и всякую другую живность за то, что они просто есть, что живые, за без-

защитность перед людьми и городом, за преданность, истинную преданность родному человеку, которую вряд ли встретишь, когда и на которую нельзя рассчитывать порой даже в близких людях...

Павлик Давидович приехал и едва дождался нашего возвращения с работы, чтобы увидеть своего Беньку. Пес знал, что хозяин вернется, ему было хорошо с нами, но как же ему было хорошо с Павликом Давидовичем! Увидев хозяина, Бенька взлетел на месте. Он прыгал и никак не мог остановиться, он потерял контроль над хвостом, и тот мотался и крутился в безудержной собачьей пляске. Бенька не знал, как ему выразить свою собачью преданность, свою бесконечную любовь, свою безудержную радость, свое признание, свою очумелую приверженность родному запаху, теплу большой хозяйской руки, привычно обхватившей его остро торчащую макушку.

– Ты приехал, ты не бросил меня, – казалось, шептал, поскуливая, Бенчик.

Он чуть виновато озирался на меня, но я не обижалась. Собаке невозможно заменить хозяина, если это настоящая собака и настоящий хозяин. Павлик Давидович что-то сдержанно говорил, благодарил, бурчал, что Бенька растолстел и бессовестно объел нас. Но было видно, что отдых прошел для него в муках беспокойства за пса. И Турция была не в радость, когда душа, однажды прикипевшая к несчастной израненной собаке, так и оставалась здесь все три недели...

***

Я хотела бы остановить рассказ на этом месте, чтобы навсегда сохранить в памяти светлый образ Павлика Давидовича, милого, непосредственного, счастливого Бенчика – замечательного королевского кокер-спаниеля – и того далекого времени молодости, когда Надя была маленькой, мы с мужем были молодыми, мама беспокоилась за нас и пеняла на безответственность. Времени, когда с нами жила Цапа и когда хотелось завести в доме собаку, принимать бесчисленных гостей, варить тазами варенье из груш, жарить корюшку, печь ватрушки с творогом и вдыхать сумасшедший аромат полыхающей безудержным цветом сирени под окнами. На всю жизнь я хочу сохранить в памяти мокрый черничный нос, мохнатые низко висящие уши, смесь веселого нрава, бурчащей рассудительности и внезапно вспыхивающей трусости. А еще сдавленность в сердце от его необыкновенной собачьей судьбы, которую, в конечном итоге, можно назвать по-настоящему счастливой.

Сентябрь 2009

Напиши мне письмо

Темные, широко расставленные Нэлькины щелочки-глаза внезапно наполнились слезами. Она порывисто повернула голову в сторону, надеясь удержать их, но маленькое горе уже струилось по щекам. Володя совсем не ожидал от нее слез, а потому совершенно растерялся. Что теперь делать – обнять и прижать к себе или сделать вид, что не заметил? Но Нэля подошла сама, уперлась темной пушистой челкой Володе в плечо, обхватила руками и, крепко цепляясь маленькими, почти детскими, ладонями за его рукав, постаралась удержать рвущиеся рыдания. Володька робко, едва прикасаясь, погладил ее по голове. Пожалел. Не надо было приручать Нэлю к себе. Володе с Нэлей было просто, хорошо и легко. Но что это значит? Да, в общем, ничего...

Нэля была милой, доброй, улыбчивой, но совсем некрасивой девочкой с бросающейся в глаза экзотической монгольской внешностью. Откуда в семье столь яростно проявилась степная монгольская кровь – непонятно. Не понимал этого отец, раз и навсегда захлопнувший за собой дверь, когда Нэльку в кружевной накидке доставили из роддома. Не верили родственники, с не утихавшим в течение нескольких лет подлым интересом обсуждавшие подробности «монгольских» походов матери. Она замкнулась, отвернулась от всего окружающего мира, не стала доказывать и переубеждать, не захотела оправдываться, хотя даже себе, самой себе так и не смогла объяснить лихого завихрения ранее потаенных генов, наградивших ее родное дитя специфической монгольской внешностью.

Дочка росла умненькой, славной, в меру озорной, сверх меры смешливой, пока в семь с небольшим лет не услышала в свой адрес обидное прозвище «мартышка». Одноклассник Темка открыто протестовал против перспективы быть посаженным за парту вместе с Нэлей. Он безапелляционно заявил, что с мартышкой ни за что рядом не сядет, простоял целый урок у двери, не покорился, и в дальнейшем, несмотря на вызов родителей к завучу, добившийся права сидеть в одиночестве в углу за задней партой, но только не с Нэлей. Одержав над взрослыми победу, Темка на все годы учебы уготовил ей участь сидеть одной. С ней дружили, принимали в игры, брали списывать уроки, с удовольствием делили на завтрак приготовленные ее мамой пироги, но место за партой с Нэлей всегда оставалось свободным.

Мать страшно переживала за ребенка. Удивлялась, как ей достает сил терпеть, не озлобляться, не подавать виду, с достоинством нести свое одиночество. Однажды в библиотеке она наткнулась на упоминание нежного монгольского имени Аддунай – конек. Бог его знает, кого нарекали этим именем – мальчиков или девочек, но Аддунай стало домашним прозвищем Нэли. Конек. Мама представляла его себе очень живо – с неказистой мордочкой, но ладненьким крепким телом, густой пушистой челкой, яркими карими радужками глаз поверх влажных чуть голубоватых белков. Конек, который не бросит, не предаст, не оставит в беде, изо всех своих не очень-то впечатляющих сил сопротивляющийся действительности и тому несправедливому отношению, которое люди с внешности легко и не задумываясь переносят на характер, внутренний мир и душу. Такой была ее Аддунай.

Первого сентября в год окончания школы Нэля прилетела домой будто на крыльях. В классе появился новый мальчик – Володя, и его посадили за парту с Нэлей. Он не сопротивлялся, спокойно сел и пол-урока болтал с ней, за что оба получили замечание. На перемене Темка – да-да, все тот же Темка – объяснил Володе некоторые особенности поведения в их десятом «А» классе, однако был высмеян Володей нещадно за плохую с пришепетыванием дикцию, несуразную долгоносую внешность и общую глупость. «Нэлька у вас самая клевая!

Такая экзотичная внешность – мечта художника», – уверенно бросил Володя, не глядя на Нэлю, сгреб портфель и вышел из класса.

С этого дня в Нэле случились существенные перемены. Она научилась неплохо подкрашивать ресницы, наносить румяна вдоль выступающих скул. Оказалось, что на ее тоненькой стройной фигурке просто притягательно сидят узкие черные брючки с завышенной талией и ослепительно белая мужского кроя рубашка, подчеркнутая ярко-голубым с оранжевыми мазками шейным платком. Нэля не стала красивой, она уцепилась за слово «экзотичная», и теперь уже никакие силы не смогли бы оторвать ее от необычного и только ей свойственного определения.

Нэля подружилась с Володей. Им было по пути домой. Володя захлеб рассказывал ей все новое, что вычитывал в десятках статей, ежедневно пожираемых его любопытствующим сознанием. А Нэля напивалась его увлеченностью, пытливостью, безудержностью смелого отношения к жизни. Ей было так хорошо с Володей, что счастье общения с ним, казалось, никогда не может закончиться.

И вот теперь она плакала, уткнувшись в его рукав. А Володя гладил темные блестящие волосы, не зная, чем удержать Нэлькины слезы. Еще полчаса назад он не представлял себе безграничности ее горя. Он никогда, честное слово, ни разу не задумался о том, что Нэля любит его. Сегодня Володя поделился с ней планами своей учебы в Москве. Надеялся, что Нэля, как обычно, с жаром и готовностью поддержит. А вон что оказалось. Разревелась, как маленькая девчонка. Бедная маленькая лошадка, потерявшая вдруг своего хозяина. Призналась в любви так естественно, так нежно, так неповторимо. Не просила ни о чем, не настаивала. Просто не смогла скрыть чувства, когда поняла, что Володя уезжает. Ей казалось, навсегда.

У Володи все защемило внутри. Пусть не красавица, пусть со смешной челкой и пугливыми карими глазами. Оказывается, сколько тайны скрывали они в своей бархатной глубине, сколько горячих соленых слез копили к сегодняшнему нечаянному расставанию!

– Ты не говори сейчас ничего. Не надо. Я все и так знаю. Это ведь только я люблю... Поэтому ты не бойся, не ищи никаких слов. Зря все это.

– Нэлька, милая моя! Ну, перестань! Ты же знаешь, что... – Володя не успел договорить. Нэля своей легкой, как листок, ладонью прикоснулась к его губам:

– Напиши мне письмо. Просто напиши... Когда будет настроение. – Развернулась и, не оглядываясь, побежала к дому. Так, как могла только Нэлька, – едва касаясь носочками земли, невесомо и по-животному грациозно.

***

Весь долгий путь до Москвы Володя спал и мало думал о будущем. Оно не страшило его, потому как планы на ближайшие пять лет были обдуманы задолго до отъезда: поступление в престижный вуз, но не «престижности для» – по собственному непреодолимому влечению; престижная работа по окончании – не ради собственно престижности, а как доказательство наличия способностей; имя в избранной среде – не для пиара, а лишь как следствие авторитетности мнения и признанности достигнутых результатов. Конечно, не так стройно и логично, не так амбициозно размышлял мальчик Володя в свои неполные семнадцать лет, но что-то расстоянием в дальний горизонт проложено было его сознанием, и дорога эта виделась прямой и широкой. В крепком мальчишеском сне только тихая робкая просьба «напиши мне письмо» скребла по уголкам жалостью. «Напишу, конечно, напишу», – с легкостью обещал Володя и проваливался в новый, красочный, здоровый, крепкий и продолжительный сон.

Москва встретила суетой трех вокзалов, бесцеремонностью теток, волочащих по ногам сумки, полные провизии и товаров, цыганами, подворовывающими у зазевавшихся пассажи-

ров, калечными, нагло и напористо требующими содержания и весьма неплохо пользующимися скромным подаванием тысяч прибывающих в город. Володя шел решительно и твердо, не обращая внимания на хитрованов таксистов, заманивающих в свои издавшие виды авто-рас-терянных приезжих, легко огибал зазывал-наперсточников, лавировал, уворачиваясь от столкновения с мужланами носильщиками, таранящими толпу огромными телегами с чемоданами и тюками. Он выплыл, наконец, на простор, оставив позади неугомонность вокзалов, и увидел широкие улицы давно заочно любимой им Москвы. Поправив рюкзак на плече, Володька юркнул в метро, где в первый и единственный раз был год назад вместе с отцом, когда они прощупывали столицу, наводили справки об университетах, вузах, специальностях и конкурсах, когда впервые план его будущего начал обретать реальные черты.

Непросто, но все случилось так, как предполагалось и к чему два последних года шла напряженная подготовка. Володька чуть не срезался на математике, чудом в последний момент ухватив в сознании правильное решение. Честно сказать, даже не в сознании – бросил взгляд в листок сидящего рядом остроносого задохлика, который в потных очках строчил решение, в уме складывая и вычитая бесконечные по разрядам числа. Володька увидел, что у парня задача приобрела замысловатое содержание, до которого его собственный мозг не смог додуматься. Он пристальнее взгляделся в записи конкурента, ухватил суть, решительно росчерком пера распластал ранее излитое на бумаге, переписал и пересчитал, сдал работу и еще несколько дней затаенно ждал результатов. Пятерка, заработанная не совсем честным образом, позволила двинуться дальше, преодолеть еще два испытания и через несколько дней срывающимся от волнения голосом кричать в трубку междугородки радостное известие домой – поступил!

Володька хотел позвонить и Нэле, но в последний момент вспомнил слова: «Напиши...» «И вправду, напишу лучше», – пообещал себе Володька, а потом закурился, замотался, втянулся в учебу и забыл о письме почти на год.

Лето после первого курса провел под Ханты-Мансийском в стройотряде. Родители проведали Володю уже в октябре, приехали неожиданно с гостинцами, неделю побыли в столице, каждый вечер ожидая свое повзрослевшее чадо в гостинице. В первую очередь мама настаивала на плотном ужине в кафе напротив, а уж после баловались чаем с конфетами, которые Володька поглощал в невероятных количествах, объясняя, что его растущий и распухающий от информации мозг требует ежедневного допинга. Осоловевшего от сытости сына провожали до общаги, сами возвращались, и мама еще долго перед сном говорила с отцом о будущем Володьки, о том, каким правильным было решение отправить его учиться именно в Москву, о многом так важном для их небольшой семьи. Отец соглашался, гордился про себя сыном, да и собой, считая его способности продолжением собственных талантов, переданных с генами и нашедших достойное продолжение.

В день отъезда родителей Владимир смог сбежать с пары и добраться до вокзала практически к отходу поезда. Запыхавшийся, примчался к вагону, позволил матери взъерошить на голове непокорный густой ежик и обнять «своего дубинушку», как мать любя звала сына. Привычно толкнулся плечом с отцом – традиция. Поезд длинным зычным гудком призвал отъезжающих поторопиться. Родители засуетились, прошли в купе и долго еще махали сквозь пыльное окно москвичу Володьке. В ответ он тоже сдержанно махнул рукой и зашагал обратно в город. В общаге, снимая куртку, обнаружил, что приготовленное короткое, на полстранички, письмо Нэле так и забыл передать с родителями. Покрутил в руках – отправить почтой? А что отправлять, там и нет ничего – учусь, все нормально, был на севере летом, там красота дикая. Вот и все, чем мог поделиться с ней Володька за первый год разлуки. Выбросил в мусор – несерьезно.

На третьем курсе закрутила Володьку жизнь, завертела. Во время очередной мальчишеской пирушки в общаге чудесным образом возникла стайка непривычно легких, ярких, как птахи, девчонок. Откуда они появились, Володька не понял. Пить много никогда не пил, и в этот раз был вполне в кондиции, но момент, когда кто-то откуда-то привел трех потрясающих девиц, пропустил и внезапно обнаружил, что не может отвести взгляд от желтоглазой загорелой неземной Натальи. На ней было что-то вполне соответствующее молодежной компании – тесные до невозможности джинсы, яркая рубашка с глубоким вырезом. Но у Натальи все было за рамками понимания и сверх всякого представления о существующей красоте. Длинные, потрясающе длинные, стройные и упругие ноги, которые в тесных джинсах приковывали внимание. Тонкая, невозможно тонкая, подчеркнутая широким поясом талия, за которую девушку хотелось тут же привлечь к себе. Глубоко расстегнутый ворот рубашки заставлял сердце героя биться где-то под кадыком, так как пышная, непонятно почему такая пышная грудь у столь стройной и подтянутой девушки, добивала взиравшего окончательно. Вся она будто выпирала из одежды, словно готова была выпрыгнуть Володьке в руки, но при этом даже не смотрела в его сторону. Вокруг нее сразу образовалось свободное пространство для обзора. Она быстро обжила его: кинула что-то веселое влево, тут же грациозным движением бедра сбросила на пол сумку с плеча, прислонилась горячеей, налитой солнцем щекой к кому-то знакомому, открыла в приветственной улыбке пухлые матовые мягкие губы.

Володька ошалел, некоторое время в восхищении наблюдал за Натальей, но понял, что больше не воспринимает никого и ничего и не может отвечать за свои поступки. Не спрашивая и не давая никому более права претендовать на нее, увел свою богиню, унес по лестнице в свое общежитское логово, закрыл дверь и больше не слышал, не видел, не понимал – только чувствовал... Утром бережно уложил голову своей страстной подруги на подушку, выполз в коридор, переступил через спящего у порога, не прорвавшегося в дом и все еще хмельного соседа по комнате, домчался до ближайшего магазина, купил теплого хлеба, сыра, свежего молока. В отделе тортов с осторожностью принял из рук продавщицы потрясающее кремовое пирожное и, переполненный нежностью, вернулся к любимой. Он уже скучал, оставив ее в кровати на долгих двадцать восемь минут.

Наталья проснулась, когда Володька пропустил уже вторую пару. Она не испугалась, не смутилась, откликнулась на его поцелуй, еще и еще... К четырем часам был съеден хлеб, сыр, выпито молоко, и пирожное манящим кремовым мазком украсило Наташкины мягкие от любви, потерявшие четкость линий губы. За дверью засопел сосед. Неудобно было просить его еще одну ночь провести у порога. Сознание Володьки заметалось в поисках решения – куда увести, унести, украсть Наталью, но она шепнула, что хотя бы раз в два дня должна появиться дома, и выпорхнула за порог, мелькнувшей красотой сразив наповал набычившегося соседа.

Не стоит объяснять, что Володька пропал. Наталья не оставила адреса, телефона, намека о себе. Володька перетряс всех приятелей, дознаваясь, откуда такая богиня взялась в их общаге. Девчонок-подруг разыскали, Натальин телефон Володька вырвал, не удостоив даже благодарности, набирал номер, казалось, сто тысяч раз, но трубка посылала и посылала сигналы в пустоту. Абонент молчал. Володька не ходил в институт, отмахивался от приятелей, дергался на каждый звук.

Наталья появилась, когда захотела сама. Так же в компании подружек заглянула в общагу. Измученному худому Володьке махнула рукой, подошла, по-приятельски легко чмокнула в щеку, как и стоящих рядом, с которыми была едва знакома. Володька сжал зубы. Хотел развернуться и уйти, презирая себя за слабость, а Наталью за равнодушие. Но Наталья, быстро завершив ритуал приветствия, обернулась, подошла к Володьке, взяла за руку и сама увела на четвертый этаж. Володька шел, злясь, ненавидя, подбирая слова для выяснения отношений, но, едва переступив порог, растворился в Натальиных волосах, поцелуях, любви, а утром, перепрыгивая ступеньки, снова мчался в гастроном за свежим хлебом.

В очередной сеанс связи с домом Володька был непривычно возбужден, скороговоркой поведал новости, умолчал о «хвостах», торопливо завершил разговор. Мама передала привет от Нэли – видела ее на днях. Да, да, и ей привет, конечно. Пора бежать, столько дел на сегодня. Трубка прыгнула на рычаг, Володька вылетел с переговорного пункта, дал приличный спринт и у метро, не сбавляя темпа, схватил на руки свою Наталью. Он теперь почти не отпускал ее от себя. Как напишешь об этом Нэле? Как вообще сказать ей, что с ним творится? Милая смешная Нэля, как далека она теперь! Аддунай, девочка-конек, Нэля из другой, детской жизни. Передает привет, помнит. Володя тоже не забыл ее. Хотя неправда, что не забыл. Он помнит ее ровно так, как помнит свой город, школьных друзей, дом, двор с припаркованным ржавым москвичом у их окон. Помнит как фон, как прошлое, к которому уже нет отношения, лишь легкое «а помнишь, как...». Сейчас есть только Наташа, и она – Володькино сегодня, завтра, навсегда. «Напиши мне письмо». Дорогая моя Нэлечка, об этом не напишешь. Не только тебе, чтобы не ранить, об этом никому не напишешь. Это только о нем с Наташкой и только для них. И тратить на это слова не стоит. Все и так понятно.

***

– Владимир Алексеевич, Ваша супруга на проводе, соединяю?

Владимир Алексеевич снял очки, устало прикрыл глаза, потер переносицу. Указание набрать телефон жены дал сам, а когда в трубке уже дышало ожидание, не мог сразу начать разговор:

– Хорошо, соединяйте. Ольга, это я.

– Привет, – буднично, спокойно, равновесно, будто не было вчерашнего скандала.

– Ты успокоилась?.. Мне нужен ответ.

– Я все сказала тебе вчера.

– Я надеялся, что ты поймешь.

– Значит, зря надеялся. Не поняла.

– Ну послушай, послушай спокойно!

– Я не могу спокойно! И вчера я все выслушала. Что еще ты можешь сказать? – Ольга начинала злиться и добавлять громкость.

– Ты не имеешь права... распоряжаться мной. Другого шанса у меня может не быть, хоть это ты понимаешь? Что такое один год – ничего. Осень, немного зимы, пыльное лето, и я приеду.

– Так было в прошлый раз, в позапрошлый. Ты где-то стажировешься, работаешь, где-то живешь. Приезжаешь то осенью, то поздней осенью. Только между осенью и поздней осенью проходит не месяц, не два. Проходят годы.

– Оля! В чем ты меня упрекаешь? Вы всем обеспечены, ты можешь заниматься домом, ребенком, собой, наконец. Живи, наслаждайся. Чего тебе не хватает?

– Мне не хватает семьи, нормальной человеческой семьи. У меня нет уверенности, что ты вернешься. Нам с Юркой не хватает тебя. И я не думаю, что все дело только в твоей работе. Дело в тебе. Ты всякий раз бежишь от нас, а возвращаясь, снова ищешь повод исчезнуть. А мы где-то далеко, за лесом, за горизонтом. Мы всегда за кордоном. Юрка почти вырос без тебя.

– Оля, не начинай. Юрке всего шесть. И пока он больше рад своему детсадовскому содержанию и моим заграничным подаркам, чем ежедневным совместным сонным завтракам и ужином вперемешку с мультиками.

– Но ведь не Юрка виноват в том, что утром ты, молча, проглатываешь завтрак и уносишься на свою неотложную работу, а вечером сидишь у компьютера и пишешь, пишешь, пишешь что-то...

– Это работа!

– Никакая работа не может заменить нормальному человеку потребность иметь жену и ребенка.

– Оля, ну стань ты хоть немного разумнее. Тысячи женщин на твоём месте были бы рады, что муж обеспечивает, не требуя взамен чего-то особенного. Найди себя, смени работу, если хочешь. Только не висни кандалами, не требуй безраздельной абсолютной любви, этой бесконечной зависимости друг от друга. Так никто не живет, так нельзя существовать. Ты киснешь, мучаешь себя и меня, дергаешь сына. Ты не ищешь себя, не пытаешься реализовать и оттого претендуешь, безраздельно претендуешь на мою жизнь!

– Я ни на что не претендую... Или ты остаешься, или мы разводимся.

– Это твоё окончательное решение?

– Да. – Ольга резко отключилась, и только трубка эхом гудков – «да, да, да» – ещё билась в ладони. Все.

Владимир Алексеевич медленно вернул трубку на рычаг, придержал рукой, да будто забыл о ней. Сидел, думал, вспоминал. Как угораздило жениться на Ольге, которую и не любил совсем? Зачем? Они прожили вместе восемь лет...

В первый год Володька как-то почти не замечал ее рядом. Была и была. Потом беременность, может быть и не случайная, но нежеланная, нерадостная. Юрка появился на свет, когда Володе предложили первую серьезную стажировку в Нидерландах. Поехал, не сомневаясь. Дома жена, теща, тесть, целая толпа родственников по линии жены. Все радуются, суетятся. Олечка наша – умница, красавица. Какая там красавица? Глазки, ушки, носик – все мелкое, ровненькое, как у куклы, волосы причесаны аккуратно – волосок к волоску, словно Олечка сошла с витрины Детского мира. Только ненатурально все, конфетно, приторно. Красавица – это Наташка, о которой душа болела до сих пор. Наташка, которая упорхнула, улетела, умчалась из его жизни, из города и вообще из страны. Метался, встречался, не любил и даже не говорил о любви, не искал – его находили. Так два года без Натальи и ходил по рукам, пытаюсь унять боль. А потом случилась Ольга, прибрала, приспособила и приспособилась к нему сама, цеплялась ладненькой ладошкой под руку и шла по жизни рядом. Куда он, туда и она. Так и пришли в ЗАГС. Он – не сопротивляясь, она – умело направляя.

Впервые уехав от Ольги и Юрки, Володя почувствовал себя не счастливее – свободнее. Работа затягивала, излечивала, результаты давали надежду. Вернулся через восемь месяцев, когда Юрка уже уверенно стоял в манеже. Хороший он парень – Юрка. Свой, спокойный и добрый, надежный. От него не услышишь глупых капризов. Юрка молчаливый, сосредоточенный и деловой. Что надо, в общем, парень. И хотелось Володе иногда остаться с ним вдвоем, но только с сыном, без Ольги, которая, к несчастью, всегда рядом, рука которой будто живет у него на плече, на голове, оглаживает спину. Душно и тесно, и движения, и жесты у нее словно неживые, без энергии. Мама, если трепала его по макушке, так в этом была любовь через край. Мама что-то приговаривала, шутила, ерошила волосы. У Ольги все смиренненько так, правильно, слегка и чуть-чуть.

Володя с головой ушел в работу. Права Ольга – приходил домой, ужинал и закапывался в книги и статьи. Переписывался, опубликовывал, критиковал, зарабатывал авторитет и имя. Он получал приличное содержание, гонорары, много «гастролировал», как сам, шутя, называл частые командировки. Жизнь потихоньку заместилась работой, перекочевала в институтскую лабораторию, потом в институтскую, но собственную лабораторию и небольшой кабинет с секретаршей на входе.

Только вот очередной отъезд Ольга «не согласовала». Развод? Да, может быть, и развод. И, наверное, раньше надо было это решить. По-честному, по-мужски. Юрку он не бросит никогда, это понятно. И Ольга не будет оставлена. Деньги, помощь, все, что от него потребуется... Вспомнилось вдруг Нэлино «напиши мне письмо...». Как он тогда пообещал? Конечно, напишу? Написал хоть раз? Ни разу. И такая тоска растеклась по душе! Подумал, что и с Юркой

когда-то так же будет. Сначала встречи раз в неделю, потом командировка месяца на три-четыре, и график встреч, естественно, нарушится. Потом дела, срочные дела, важные дела, потом порывистые попытки купить подарок ко дню рождения, потом звонки. Откуда Володька это знал? Знал, так как подобной жизнью живут практически все коллеги-отцы, перемежая новых пассий с обязательствами перед бывшей женой и собственным ребенком. И каждый вначале обещает себе – не брошу никогда. Как Володька – напишу, конечно, напишу.

Нэля... Как она там? Ей ведь сколько? Тридцать два? Тридцать два, точно. Все такая же Аддунай? Чем живет, чем занимается? Замужем, наверное, давно, детей двое, трое? А может быть, одна? Ну конечно, одна и ждет тебя! Не смейся. Не ждет, да и тебе она не нужна. Ни тогда, ни сейчас. Хорошая добрая девочка, скорее всего, стала хорошей доброй женщиной. Вот и все. Чудес не бывает. Как и с ним самим чуда не случилось. Шел к своей мечте стать человеком востребованным, актуальным и перспективным. Стал. В семнадцать лет не мыслил о семье и детях, не планировал и не записывал в список первостепенных жизненных целей, думал, что это так естественно – жить всю жизнь семьей, как его родители, вот и не включила жизнь в шорт-лист его потребностей личное счастье.

***

Владимир перевернулся на другой бок, в затылке к правому уху сдвинулась обжигающая растущая боль. Она набирала силу и объем, пульсировала, гудела, как приближающийся поезд. Она давно стала привычной, приходила всякий раз, когда периоды ночного отдыха сокращались до пяти часов, а количество перелетов превышало семь-восемь в месяц. Володя часто думал, что артистам приходится того хуже. У них вся жизнь в разъездах, а каждый вечер – борьба с печенью. Ему было легче. Иногда случались остановки. Возлияниям он подвергался лишь эпизодически во время протоколно-обязательных фуршетов, как привычно преподносимых презентов, примирительных завершений интеллектуальных битв или просто способов установления и удержания полезных контактов.

Вчерашний вечер был именно таким, но попытка головной болью не следствие выпитого. Владимир Алексеевич позволил себе на десерт только Glenlivet 15 у.о. – сладковатый, с нотами цитрусовых фруктов и кедровых орехов, с округлым бархатистым вкусом и длительным послевкусием. Когда-то слышал, что интенсивность вкуса ему придает многолетняя выдержка в бочках из дордоньского дуба. Владимир не мог причислить себя к знатокам и тонким ценителям спиртного, но, однажды попробовав, надолго остановился в выборе на Glenlivet 15.

Вчера Владимир Алексеевич, обычно энергичный, подтянутый, по-американски рекламный у кафедры, по-европейски толерантный в общении, по-японски сосредоточенный, последовательный и мудрый в профессии, был просто русским. Русским с ностальгическими нотами в душе, генетически запрограммированной печалью в глазах, противоречивостью в восприятии всего и вся, в том числе собственных достижений и неудач. Его очередная работа была воспринята более сухо. Не помогли ни опыт ведения презентаций, ни умение парировать, ни импровизационный талант. Владимир Алексеевич сам чувствовал, что ему не хватило энергии, драйва, уверенности. Французский коллега участливо пожал руку, приободрил, даже оппоненты не были излишне критичны. Володя сам знал, что все не так. Работа изначально шла тяжело, через силу, сопротивлялась и не давалась в руки. Он добил, дотянул, дождал, изложил. Но на всеобщее обозрение они вышли как супруги, скрывающие вчера состоявшийся развод. Ее непокорность вылезала в деталях, обращала на себя внимание. Володя пытался вуалировать и искусно затенять спорные моменты, но вопросы аудитории, будто миноискатели, прощупывали его выступление и выдавали сигналы обнаружения, когда Владимир Алексеевич, казалось, уже преодолевал опасные места.

Снова поворот на спину, волна жгучей муки в затылок. Надо подниматься – скоро самолет. Только что это изменит? Обрато в Россию, в лабораторию, обратно в клетку с неприрученной и необъезженной темой? Вчера он по-русски неконструктивно в очередной раз задумался: кому это надо?

Приятель француз – менее известный, менее способный, менее успешный – похлопал его по плечу. Мол, все нормально, живем. Живем, только как? Француз живет и делает свое дело. Живет с женой и двумя сыновьями, с любовницей, с отельной горничной на час, но с гордым внутренним ощущением гражданина великой маленькой страны. Володя же делает свое дело, а живет когда-то после, между, не в приоритете. Без жены, без привязанности и стойкой физиологической потребности в любовнице, с брезгливым отношением к горничной на час и при отсутствии гордости за принадлежность к самой великой и самой непредсказуемой стране мира. Он сам вытеснил себя из дома, избрав работу с международным статусом. Но своим не стал ни в Европе, ни за ее пределами, ни вообще нигде в мире. Он сам не решился на труд устройства полноценной семьи. Заменял суррогатным ощущением дома – построил коттедж, в котором бывает эпизодически, не помнит, где находятся необходимые и привычные вещи, да и вещей таких для себя в принципе не определил. Он до сих пор шлет на воспитание сына приличные деньги и иногда небольшие подарки по поводу, но никогда письма. Это давно ни к чему. Никто в бывшей семье не интересуется, где он и что с ним. Если деньги приходят, значит, жив и вполне состоятелен. Звонки и письма уже лишние в укладе их отношений. Юрка закончил школу, учится, деятелен и активен, мало бывает дома, бежит, торопится, живет. За ним не успеть, сколь бы хаотичным и нерезультативным пока ни представлялось его существование. Скучная кукольная Ольга – ненужный раздражитель. Она все так же окружена множеством восхищенных родственников, все так же недовольна обстоятельствами, все так же не интересна и не востребована, хотя не востребована – нет. Там появился как-то столяр, как Володя называет его. Какой-то мастер золотые руки, который бывает в доме, пьет чай, чинит водопроводные краны и ящики на кухне и метит в скорые мужья. Ольгу он устраивает постоянством присутствия в доме и полезностью. Что его устраивает? Наверное, что-то устраивает. Может, кормят, может, холят, может, в дом возьмут. А Володе смешно и скучно наблюдать эту идиллию, тем более когда точно знаешь, что в итальянском купленном на твои деньги кухонном гарнитуре не надо чинить ящики и даже не надо создавать видимость этого. Только простоватым родственникам можно презентовать будущего полезного мужа столь нехитрым способом – мастер на все руки.

Какую странную шутку сыграла с ним жизнь. Он теперь часто задумывался, о чем мог бы написать во много лет назад обещанном письме Нэле. Об ослепительной вспышке юношеской любви, которая обожгла его на долгие годы? О пресном, липком, тягучем и безрадостном семейном опыте, о выросшем и чужом почти сыне? О теперешней элегантной, взбалмошной, непредсказуемой, а при близком контакте тощей, необязательной, крикливой, много выпивающей Sandrine, от которой оказалось столь же нелегко освободиться, как легко в свое время заполучить. Он мог бы рассказать о по-настоящему любимой работе, которой оставался верным все посвященные и преподнесенные в дар годы, в которой находил полную самореализацию. Но когда Нэля просила написать ей, ждала, скорее всего, новостей о самом Володе. Не о тех, с кем он и зачем, а о себе самом. Оказалось, и писать нечего. Ну НЕЧЕГО...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.